

Раздел III
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
И КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К. В. ЛОЩЕВСКИЙ

**БОЖЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА
В ОНТОТЕОЛОГИИ ПРОКЛА**

В диалоге Платона «Кратил» попытка решения вопроса о происхождении имен ведет к обнаружению двух существенных аспектов имени: означающего — определенного звукового комплекса, материального субстрата, доступного чувственному восприятию, и означаемого — собственно содержательной стороны имени как языкового знака. При этом означаемое, в свою очередь, имеет два существенных аспекта, позволяющих сделать вывод о том, что имя соотносится с двумя различными по своему онтологическому статусу внеязыковыми объектами, которые могли бы быть обозначены греческими словами «λόγος» и «ἦθος». Λόγος представляет собой идеальный аспект имени, семантическую константу, семантика которой определяется самим ее строением; λόγος понимается как определение, языковой эквивалент структуры истинно сущего, умопостигаемого бытия. ἦθος — совокупность устойчивых черт, составляющих характерный рельеф, по которому нечто может быть узнано и идентифицировано как нечто особенное и в то же время типическое. Сведения в единство совокупность действий (πράξεις) феноменально данной вещи (ἦθος) есть результат опыта, в основании которого лежит отождествление зримого и сущего.

Кроме того, «правильность» имен, т. е. то, каким образом имя соответствует природе именуемой вещи, в первом случае предстает как структурное соответствие образующей язык совокупности имен и тотальности умопостигаемого сущего, а во втором — как обусловленность означающего означаемым.

© К. В. Лощевский, 2002

Благодаря двойной референции имя, с одной стороны, способно фиксировать опыт единичного, а с другой — использоваться в диалектическом рассуждении, в котором этот опыт подвергается критике, апеллирующей к идеальному основанию всякого сущего.

Установленная Платоном двойная референция имени получает развитие у самого позднего крупного античного неоплатоника — Прокла («Procli Diadochi in Platonis Cratylum commentaria»). Характер и специфика этого развития обусловлены прежде всего тем, что в онтокосмологии Прокла самостоятельное значение получает особая онтологическая область сверхсущных чисел или богов, в космической иерархии следующая непосредственно за бескачественным единым и предшествующая собственно бытию или уму. Числа выступают у Прокла в качестве творческого принципа самой идеальности и поэтому наделяются божественным статусом.

Рассуждая о природе имен, Прокл отмечает, что «вечные» вещи (τὰ αἰδία) поименованы «по их силам и действиям» (ἐκ τῶν δυνάμεων καὶ ἐνεργείων), а «рожденные» (τὰ γενητά) — «по их употреблению и связности» (ἐκ τῆς χρήσεως καὶ κοινότητος). Если под «вечными» вещами понимать моменты идеальной структуры сущего, т. е. ума, а под «рожденными» — предметы опыта, то следует признать, что каждой из этих онтологических областей соответствует специфический способ именования принадлежащего к ним сущего. Однако в целом эта схема сохраняет определенное единство в подходе к существу именования, ибо, по всей видимости, «силы и действия (вернее, действия сил)» «вечных» вещей представляют собой не что иное, как вещи, «рожденные» в их возможности (δύναμις) и действительности (ἐνέργεια). В таком случае оказывается, что идеальное именуется все-таки согласно определенному опыту, ориентируясь на «вещи, существующие каждая по отдельности и не учитывая вечных», а это не позволяет с доверием относиться как к отдельным именам, так и к языку в целом.

Но, как следует из многочисленных указаний самого Прокла, различие между именами «вечных» и «рожденных» вещей не ограничивается выведением первых из вторых, а, напротив, указывает на то, что ориентация на определенный род сущего самих субъектов именования, т. е. учредителей имен, обуславливает существование по крайней мере двух не сводимых друг к другу разновидностей имен. Во-первых, это имена, являющиеся «доходящими до душ, порождениями богов», а во-вторых, «порождения частных душ, способных создавать их с помощью ума и науки».

Таким образом, заложенный Платоном принцип двойной референции имени претерпевает существенные изменения. Если у Платона

речь идет о двух различных аспектах в структуре означаемого, то в случае Прокла, видимо, можно говорить о двух разных типах имени как такового. Во-первых, это имена «вечных» вещей, которые «божественны и благоговейны как священные атрибуты (*ἱερὰ θεῶν*) богов, отражающие их силы и действия», а во-вторых, имена вещей, «сущих каждая по отдельности», именуемых в результате их функционального использования в повседневном опыте.

Тезис о том, что имена «отражают силы и действия богов», являясь при этом именами сущего, наделенного более низким онтологическим статусом, воспроизводит на новом уровне все тот же принцип двойной референции имени: имя того или иного сущего (в данном случае имя «вечной» вещи, т. е. идеи) указывает не только на свой «непосредственный» референт, но и на его бытийное (или, как в данном случае, сверхбытийное) основание. Если именование эмпирического сущего отсылает нас к идеальной структуре языка, которая лежит в основании его эмпирического состояния, то именование сущего в подлинном смысле, т. е. идей, — к сверхидеальной структуре языка, представляющей собой принцип ее идеальности.

Таким образом, наряду с идеально-этической языковой структурой можно выделить еще одну сосуществующую с ней в языке структуру, условно говоря, тео- (аритмо-) идеальную. Отыскание в теле живого языка этой структуры представляет собой задачу, выходящую за рамки дискурсивной диалектики. Более того, поскольку природа богов не доступна диалектике, то язык божественных имен оказывается едва ли не единственным средством, открывающим доступ к сверхбытийному. Смысл философствования заключается в том, чтобы отыскать в обычном языке проявления божественного, отделять их от того, что является порождением частных душ, и с их помощью пытаться приблизиться к тому, что за пределами всякого уму и бытию. Если благодаря наличию идеального референта имени язык может использоваться в диалектическом рассуждении, а имя — становиться орудием диалектика, то благодаря сверхидеальному референту божественного имени язык становится божественным орудием, а философия — теологией и теургией, искусством диалога с трансцендентным.